

Данный файл является фрагментом электронной копии издания,
опубликованного со следующими выходными данными:

ББК 65.9(2Р)-1
УДК 338.9
П 828

П 828

Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е.А. Коломак. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2020. – 502 с.

ISBN 978-5-89665-352-3

Работа посвящена изучению пространственных аспектов и проблем развития России в период после начала рыночных реформ, актуальность работы связана с особым значением вопросов развития территорий, межрегионального неравенства и географической связности в политике страны. В монографии даются оценки изменений территориальных пропорций, рассматриваются разные географические единицы (макро-регионы, субъекты Федерации, города, муниципальные районы) и разные аспекты пространственных процессов. Авторы анализируют государственную пространственную политику и высказывают рекомендации об эффективных инструментах и механизмах.

Монография может быть полезной для научных сотрудников, практиков и студентов экономических специальностей, чьи интересы связаны с вопросами пространственного развития и региональной политики.

ISBN 978-5-89665-352-3

ББК 65.9(2Р)-1
УДК 338.9
П 828

© ИЭОПП СО РАН, 2020 г.

© Коллектив авторов, 2020 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

[lib.ieie.nsc.ru/docs/2020/Prostranstvennoe_razvitie_sovremennoy_Rossii-2020/
Prostranstvennoe_razvitie_sovr_Rossii.pdf](http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2020/Prostranstvennoe_razvitie_sovremennoy_Rossii-2020/Prostranstvennoe_razvitie_sovr_Rossii.pdf)

ГЛАВА 5 ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

5.1. МЕГАРЕГИОН СИБИРЬ: ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ В ДОЛГОСРОЧНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Концепция мегарегионов основана на идее историко-культурной близости и особой самоидентификации населения крупных регионов планеты, которые долгое время были объектом всемирных политико-экономических процессов, а в некоторых случаях превратились в субъектов этих процессов¹.

С нашей точки зрения, важнейшими факторами, определяющими направления социально-экономического и политического развития мегарегионов, их динамику и, соответственно, перспективы – являются демография, институты и взаимоотношения с внешними по отношению к мегарегиону игроками. Отметим, что хотя понятие мегарегион и является относительно новым и не до конца закрепились в научном дискурсе, на уровне обыденного сознания и в языке оно существует длительное время. Например, мы однозначно воспринимаем понятия «Латинская Америка» или «Ближний Восток».

Очевидно, что мегарегион не является однородным ни в географическом, ни в национальном, ни в политическом понимании. Границы его размыты и могут существенно меняться со временем. Так, в свое время Грузия входила в Большой Ближний Восток, потом пережила длительный период изоляции от него, а в настоящее время пытается интегрироваться в Европу. Страны Юго-Восточной Азии, несмотря на этнические, религиозные, политические и иные различия, можно рассматривать как единый мегарегион, стремящийся к определенному внутреннему взаимодействию с целью обретения субъектности и политико-экономического влияния. Собственно, многочисленные проекты региональной интеграции и являются отражением сложных процессов формирования и перестройки системы мегарегионов планеты.

Разобраться в сложном переплетении различных социально-экономических процессов и, соответственно, перспективах развития одного из крупнейших и богатейших с точки зрения потенциальных запасов природных ресурсов мегарегионов планеты – Сибири можно с позиций их анализа в краткосрочной ретроспективе, чему посвящено множество работ. Но с нашей точки зрения, такие крупные объекты следует изучать на основании максимально глубокой ретроспективы, поскольку, как было сказано выше, они представляют некую историко-культурную общность. Также мало подходят и современные количественные методы исследования в силу несопоставимости данных и, особенно, их качественного содержания, а также мультидисциплинарного характера самого понятия.

Поэтому предлагается использовать методы аналогий, исторической реконструкции, кросс-культурных исследований и другие методы, которые в настоящее время считаются донаучными. Разумеется, там, где это возможно, следует обращаться к статистике и использовать экономико-статистические методы.

¹ Обсуждению понятия «мегарегион» посвящены монографии «Сибирь: имидж мегарегиона» / под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. – 364 с.; «Сибирь как мегарегион: сущность и динамика» / под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 159 с.; также дискуссия на страницах журнала «Идеи и Идеалы», 2016, № 1.

Историки, социологи, этнографы, географы и экономисты достаточно подробно описывали развитие того или иного региона в определенное время, но, по нашему мнению, недостаточно уделяли внимание внешним по отношению к региону факторам и условиям, особенно в долгосрочной перспективе. Исключений здесь немного¹.

Цель данного раздела состоит в том, чтобы на примере Сибири выявить роль отдельных институтов в успешности или неуспешности ее освоения и развития, определить влияние целей и инструментов государственной политики на эти процессы в длительной ретроспективе. Естественным представляется сравнение заселения, освоения и развития Сибири и Канады ввиду близости природно-климатических условий, вхождения в крупнейшие империи мира и наличие богатейших запасов природных ресурсов.

В настоящее время Правительство Российской Федерации разрабатывает ряд стратегических документов, посвященных пространственному развитию страны и отдельных регионов, что, как минимум, предполагает общественную и экспертную дискуссию и, прежде всего, касается перспектив развития макрорегиона Сибирь. Многочисленные новации в системе управления, механизмах и инструментах регионального развития заставляют обращаться к историческому опыту для оценки их эффективности и отдаленных последствий принимаемых решений.

5.1.1. Что такое Сибирь

Сразу следует сказать, что под Сибирью мы понимаем все пространство от Уральского хребта до Тихого океана, несмотря на крайнее климатическое и ландшафтное разнообразие этой территории. Эта точка зрения превалировала в общественном сознании и научной литературе на протяжении практически всего периода после включения этого мегарегиона в состав Российской империи. Отметим, что собственно Сибирской царство (или ханство) занимало лишь небольшую часть азиатской части России, хотя и дало название всему региону.

Еще сибирские областники (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др.) считали важнейшим критерием выделения региона его историко-культурное своеобразие, общность истории заселения, управления и, следовательно, освоения и развития этого мегарегиона, а также его исторических и политико-экономических перспектив. Причины культурного своеобразия сибиряков они находили в широком распространении смешанных браков и, как следствие, в расовых отличиях, широко распространенном заимствовании слов и выражений из языков аборигенного населения, мировоззрения, привычек, еды и даже приемов общения и ритма жизни.

Многие исследователи и публицисты особо отмечали так называемый сибирский характер и утверждали, что образ жизни русского населения Сибири, формирует нечто другое в сравнении с жителями европейской России. Например, жители Сибири в целом жили более зажиточно в сравнении с представителями аналогичных сословий в центральных губерниях. Сибиряки не знали лаптей и носили сапоги, ели много мясной пищи, употребляли много больше алкоголя и т.д. Одновременно в Сибири наблюдалось колоссальное имущественное неравенство, что было весьма заметно на фоне сравнительно малочисленного населения вообще и привилегированных сословий, в частности. Поэтому многие авторы подчеркивали индивидуализм, хитрость, скрытность и страсть к наживе, характерные для сибиряков. Здесь царили мироедство, кабала и монополии, что было характерно, по мнению современников, и для Северо-

¹ Зубков К.П. Колонизация Сибири: смысл и уроки истории // ЭКО. – 2019. – № 1. – С. 5–16.

Американских Соединенных Штатов. На формирование особого сибирского характера оказало значительное влияние история заселения Сибири, в частности сложные отношения и даже стычки с аборигенным населением, вакуум власти, грабежи и разбой и то обстоятельство, что значительная часть населения (не только казаки) была вооружена.

Важным моментом является обозначение границ Сибири как ареала русской колонизации восточных районов страны, носившей преимущественно сельскохозяйственный и торгово-промысловый характер. Поэтому в Сибирь не включались Манчжурия, Монголия и Туркестан, хотя и там основывались русские поселения¹, но включались Акмолинская и Семипалатинская области, несмотря на то что в их населении преобладали инородцы. Таким образом, южная граница Сибири проходила по Чуйской долине, отрогам Тянь-Шаня и озеру Иссык-Куль. Далее на восток по горным хребтам Алтая и Саян, рекам Амур и Уссури до Тихого океана. Именно этот регион стал объектом русской колонизации: военных походов, сравнительно мирного проникновения и расселения, торговой и промышленной экспансии и т.п. Теперь общепринятая южная граница Сибири совпадает с границей России.

В отличие от Южной и Северной Америки Сибирь не была даже в XVI веке «Терра Incognita» для русских. Известны военные походы новгородцев в «Югорскую землю», экспедиции поморов, путешествия купцов и проповедников задолго до набега дружины Ермака. Кроме того, в отличие от Северной Америки и Австралии в Сибири существовали государства, у которых было налажено сношение с внешним миром, в том числе и с Московским царством.

Как и в случае с Америкой, с давних пор в представлении о Сибири преобладали всевозможные легенды, мифы и небылицы, распространенные в европейской части страны и за рубежом. Главными мифами о Сибири, как и о других ареалах европейской колонизации, всегда были, во-первых, представление о невероятном богатстве и, во-вторых, о свободе строить жизнь по собственному разумению на новых землях.

Первый миф стимулировал организацию военных походов, торговых экспедиций и отдельных очагов горнорудной и металлургической промышленности, например, в Перу, в Мексике на Урале или Алтае. Другой миф вел к широкомасштабной сельскохозяйственной колонизации, как это было в случае американских прерий или южной части Западной Сибири. Примером первого типа мифов может служить поиски Эльдорадо, а второго – так называемого Беловодья.

5.1.2. Богатство Сибири

Представление о регионе как о неисчерпаемом источнике природных ресурсов и потому возможности сказочного обогащения, видимо, было всегда и манило представителей всех сословий, включая промышленников, купцов, крестьян и лихих людей. Состояния в Сибири действительно делались колоссальные. Более того, уровень жизни населения Сибири был выше, чем в европейских губерниях. Уровень жизни европейских переселенцев в колониях, в том числе и в Канаде, по крайней мере начиная с XVIII века, был выше, чем в странах выхода, на что косвенно указывают рацион питания и более высокий темп естественного прироста населения, что также характерно и для Сибири. Но богател ли от этого собственно край, и если да, то в какой степени и какой ценой?

¹ Н.М. Пржевальский, путешествуя по Монголии и Синьцзяну, встречал русские поселения, в основном раскольников.

В научной и публицистической литературе достаточно много места посвящено хищнической эксплуатации природных ресурсов Сибири. Это не только истребление пушного зверя, который долгое время считался главным богатством края, в погоне за которым русские так быстро прошли всю Сибирь к Тихому океану, но и опыт развития горнорудной промышленности. Первым таким примером стало падение добычи золота, серебра, меди, свинца, чугуна в Алтайском горном округе в результате быстрой отработки запасов и последовавший за этим кризис в регионе в целом. Можно привести примеры золотой лихорадки в Саянах и Забайкалье. В других странах проходили сходные процессы. Достаточно вспомнить историю добычи золота в Калифорнии или серебра в Неваде. Но по мере истощения запасов кризис не приобретал столь масштабного характера, и находились иные драйверы экономического развития регионов.

Дело в том, что продукция, производимая в Сибири, вывозилась из региона и не поступала во внутренний оборот. Поэтому внутренний рынок развивался медленно и был крайне монополизирован. Модель, в которой всё, что производится в регионе, вывозится, а всё остальное, включая необходимое для жизни людей, ввозится, угнетает экономику и потому нежизнеспособна. Такая структура торговли способствует монополизации и невероятной рентабельности торговых операций, что, несомненно, снижает стимулы к внутреннему производству и диверсификации экономики. Она становится менее устойчивой и более подверженной внутренним и внешним шокам. Как известно, развитие внутренних рынков ведет, помимо прочего, к росту капитализации предприятий и росту стоимости активов.

Поэтому во властных структурах и общественном мнении возобладало представление о том, что Сибирь всегда будет поставщиком сырья и обречена на то, что будет жить за счет внешних источников ресурсов. Более того, эта мысль внедрилась в умы не только столичных интеллектуалов, но и широко распространилась в массах. В те времена помимо металлов, минералов и пушнины из Сибири вывозился главным образом хлеб. Уже в XIX веке Сибирь могла бы вывозить мясо, рыбу, лекарственные растения, лес и многое другое, что лежало втуне из-за нехватки капиталов и незнания технологий.

Развитие региона и освоение природных богатств Сибири считалось делом Правительства, которое действительно многое делало для подъема промышленности. Например, в 1839 г. по инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин проводилась бесплатная раздача земли под фабрики и заводы, что немало способствовало развитию промышленности. Он же требовал от местных начальников представить сведения о том, какие производства можно было бы организовать для использования местного сырья и в каких специалистах была нужда для организации производств. Но одновременно с успехами в освоении Сибири были неудачи и разочарования. Прежде всего, учитывая размеры края, многие усилия по его преобразованию при взгляде из столицы были малозаметны. Сибирь так и оставалась далекой и заснеженной пустыней. Создавалось впечатление, что Сибирь живет за счет России, принося скорее убытки, чем прибыли. Самым ярким высказыванием подобного рода было «Сибирь стоит меньше, чем один Невский проспект». Кроме того, несомненно, был конфликт между интересами торгового и промышленного капитала. Сверхприбыли купцам обеспечивали монополии и ужасающая даже по российским меркам коррупция. Постоянные гонения на «чужих» купцов, например, ограничения бухарской торговли вместе с ростовщицеством и торговлей в долг приносили баснословные прибыли. Отдельные примеры, когда крестьяне, купцы и промышленники построили миллионные состояния, резко контрастировали с бедственным положением других групп населения. Главным меха-

низмом дифференциации доходов были «ножницы цен», что подтверждается данными об их росте в городах при движении с запада на восток и красочно говорят о состоянии путей сообщения и состоянии торговли.

Представление о Сибири как о кладовой природных богатств, экономические соображения о возможности их эксплуатации будь то в государственных или частных интересах во второй половине XIX века подверглось критике с позиций популярной тогда немецкой исторической школы, доказывавшей, что главное богатство страны или региона – это люди и способность создавать богатство важнее самого богатства.

5.1.3. Заселение и освоение Сибири

В Сибири, как и во многих других частях света, сформировались две модели хозяйственного освоения мегарегиона, повлекшие существенные различия в темпах и устойчивости демографического и социально-экономического развития, особенно в долгосрочном аспекте. В первом случае (военной, торговой и промышленной экспансии), по крайней мере до середины XIX века, главную роль играло государство. Оно организовывало и снаряжало военные экспедиции, выдавало лицензии торговым компаниям и промышленникам, предоставляло им разнообразные льготы и монополии, ресурсы (в случае России – рабочую силу) и защиту. Например, важным фактором в ранний период колонизации Сибири стала организация военных поселений казаков вдоль так называемой «линии» для защиты от кочевников, а в последствии от Китая на границе с Сынцзяном и вдоль Амура.

С другой стороны, массовые переселения и сельскохозяйственное освоение новых территорий проходило преимущественно стихийно под воздействием политических и экономических факторов и условий. Государство, разумеется, могло влиять на эти процессы, но его возможности по управлению ими были ограничены. Н.М. Ядринцев писал: «Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения, точно так же колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям, к стремлению создать новую жизнь в новой стране»¹. По-видимому, он разделял взгляды Т. Мальтуса на тесную взаимосвязь между естественным и механическим приростом населения, с одной стороны, и наличием возможности обеспечить растущее население продуктами питания – с другой. Мальтузианство было тогда общепринятой теорией. Из нее следовало, что «оптимальная» плотность населения той или иной территории определялась типом хозяйства. Так, например, земледелие обеспечивало более интенсивное использование территории и более высокий выход продовольствия с единицы площади, что означало более высокую плотность населения. Поэтому колонизация понималась как процесс заселения практически пустых пространств, поскольку земледелие и горная промышленность резко увеличивают «оптимальную» плотность заселения территории.

Миграция населения в европейские колонии и заселение «новых» земель объяснялись политическими и экономическими причинами. В случае английских и голландских колоний преобладали религиозные мотивы, равно как и переселение старообрядцев в Сибирь. Несомненно, важным фактором при принятии решений был

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Том 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. – Тюмень, 2000. – С. 126.

протест против сословного характера государства и стремление выйти из феодальной зависимости. В качестве примера миграции по политическим причинам можно упомянуть переселение 60 тыс. лоялистов в Канаду после войны за независимость США и эмиграцию из Франции после революции 1789 г.

Но, видимо, экономические причины играли всегда определяющую роль. Не случайно сложились упоминавшиеся выше мифы о богатстве и процветании Нового света и Сибири. Поскольку в глазах крестьян главным богатством была земля, именно аграрная колонизация была наиболее массовой в XVIII–XIX веках. Малоземелье, характерное для стран северной Европы, равно как и для России, толкало массы крестьян к переселению, несмотря на все трудности и риски с этим связанные. Быстрый рост численности населения в европейских странах в конце XVII века, обусловленный начавшимся демографическим переходом в результате постепенного снижения детской смертности на фоне сохранения высокой рождаемости, резко усугубил эту проблему и потребовал экспорта «избыточного» населения.

На формирование направлений и интенсивности миграции в значительной мере влияло наличие альтернативных районов вселения. Так, наиболее привлекательным мегарегионом в XVIII и первой половине XIX века являлись США, что замедлило и отодвинуло переселение в Канаду. Аналогично, заселение и освоение Причерноморья и Северного Кавказа в правление Екатерины II, несомненно, тормозило заселение Сибири. Привлекательность Северной Америки как региона вселения и колонизации привела к тому, что многие подданные Российской империи предпочитали эмиграцию за океан переселению в Сибирь. Речь идет не только о жителях Польши, Финляндии, Украины, но и о выходцах из центральных губерний.

Как отмечалось выше, большое влияние на интенсивность миграции населения оказывают правительства как непосредственно, ограничивая или поощряя миграцию, так и косвенно, путем увеличения издержек на переселение, создания преференций или дискриминационных условий для развития отдельных отраслей или видов деятельности и т.п. Здесь следует различать политику правительств страны выезда и страны въезда. Феодальные страны Европы ограничивали выезд крестьян. Например, были приняты ограничения на выезд из Испании или Франции времен Ришелье, что сказалось на соотношении численности французского и английского населения в Северной Америке. Но существовали и ограничения в регионах вселения. Например, принимались законы, ограничивавшие иммиграцию в США и Канаду выходцев из Китая и некоторых других стран.

В случае России и ее политики в отношении Сибири, институциональные ограничения принимались только правительством. С начала русской колонизации при Иване VI и до Годуновых преобладало добровольное переселение при определенной силовой поддержке со стороны правительственных ведомств. Первая перепись населения 1622 г. определила русское население Сибири в 70 тыс. жителей и 7,4 тыс. ссыльных. Но позднее принимаются решения по сдерживанию добровольных переселений, и в 1697 г. устанавливаются заставы, для предотвращения переселения беглых. Правительство в 1743 г. запретило проникать за пограничную линию и наказывало кнутом. Поэтому несмотря на чрезвычайно высокие темпы проникновения русских на восток и территориальную близость Сибири, размеры миграции населения вплоть до последней четверти XIX века оставались незначительными. И вовсе не из-за климатических различий и имиджа Сибири как места ссылки. К началу XIX века в Сибири уже сложилась административная система управления, и именно она накладывала серьезные ограничения на миграцию. Паспортная система и запреты на основании по-

селков и деревень без специального разрешения препятствовали освоению Сибири не менее эффективно, чем крепостное право. Правом на легальное переселение обладали только государственные крестьяне, а прочим было необходимо искать иной выход. Положение ссыльных поселенцев в Сибири было легче, чем крепостных в Европейской России. Поэтому крепостные часто объявляли себя дезертирами или преступниками, для того чтобы попасть в ссылку. «Многие добивались быть сосланными по воле помещика, т.е. по капризу без особой вины»¹.

Очевидно, что запреты и ограничения, а в дальнейшем регламентация переселений приводили к росту прямых и транзакционных издержек, а также расходов на вспомоществование после переселения. Массовой миграции и освоению территории мешали дороговизна транспорта, тяготы дороги, получение паспорта, отыскание места вселения, податная система. Кроме того, еще необходимо было «встать на ноги на новом месте». Прямые издержки на переселение одной семьи в середине XIX века оценивались в 500 руб. серебром, что часто превышало стоимость всего имущества крестьянской семьи. И это не считая волокиты и взяток. Таким образом, легальное переселение было доступно только для богатых или зажиточных крестьян. Административные барьеры сменились экономическими.

В истории заселения и освоении Сибири, как известно, большую роль сыграла ссылка. По имеющимся данным, только в XIX веке в Сибирь было сослано 860 тыс. человек². Кажущая легкость заселения и общественные выгоды от использования практически подневольной, а потому чрезвычайно дешевой рабочей силы, по мнению современников, более чем перекрывались негативными факторами использованием такого метода освоения края, в том числе ростом преступности, низким качеством рабочей силы (уголовники, да и политические были плохими работниками), распространением болезней, усилением административного надзора и дополнительными налогами, поскольку тюрьмы содержались за счет местных бюджетов. Но особо современники отмечали бедственное положение ссыльных: «Ссылка наполняла Сибирь бездомным несчастным пролетариатом, который не создавал оседлого гражданского элемента, но постоянно вымирал. Ссылка оставляла едва 1/5 людей на местах, остальные исчезали или погибали»³.

Кроме ссылки власти практиковали казенное заселение региона путем организации поселений вдоль трактов для обслуживания почтового и транспортного сообщения. Судьба этих поселений часто была незавидной, поскольку они всецело зависели от внешнего снабжения, расторопности бюрократического аппарата и степени коррумпированности чиновников. В этом смысле судьба Северной Америки была иной. Ссылка и организация «казенных» поселений не сыграли практически никакой роли.

Следует отметить демографические последствия различных моделей миграции населения. В случае казенной, т.е. преимущественно военной, торгово-промышленной колонизации и ссылки, как правило, возрастал дисбаланс между мужским и женским населением, и увеличивалось число смешанных браков, в отличие от аграрной колонизации, когда на новое место переезжали полные семьи и даже целые общины.

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Том 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. – Тюмень, 2000. – С. 135.

² Марианский А. Современные миграции населения. – М.: Изд-во «Статистика», 1969. – 224 с. (с. 149).

³ Ядринцев Н.М. Сочинения. Том 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. – Тюмень, 2000. – С. 159.

Наиболее широкомасштабная сельскохозяйственная колонизация Сибири началась только в последней четверти XIX века¹, в США – на полвека раньше, в Канаде – практически одновременно с Россией. В случае Канады задержка объясняется прежде всего конкуренцией с США за миграционные потоки, а в случае Сибири – поздней отменой крепостного права и административными препонами.

Ситуация существенно поменялась только после постройки в 1880-х годах трансканадской железной дороги, а для Сибири – транссибирской железной дороги (Великий Сибирский путь). Особая роль железнодорожного строительства заключалась не только и не столько в облегчении и снижении стоимости переезда и обустройства на новом месте, сколько в открытии рынков сельскохозяйственной продукции, что резко повышало товарность хозяйств и рост доходов семей.

До 1914 г. казалось, что модели обустройства и заселения Канады и Сибири быстро сближаются. Поскольку заселение Сибири началось несколько ранее, то численность европейского населения в Сибири была выше: 4,5 млн чел. против 3,7 млн чел. в Канаде к 1880 г., не говоря уже о том, что численность коренного населения Сибири была существенно выше, чем в Канаде. В 1900–1914 гг. в Сибирь переселилось около 4,5 млн чел., а в Канаду менее 3 млн чел.²

В этот период Россия и Канада уже вступили в стадию индустриализации и присущей ей урбанизации. Поэтому общую численность мигрантов уже нельзя было даже примерно отождествлять с аграрным переселением. Перед Первой Мировой войной в Российской империи города ежегодно принимали около 300 тыс. чел., т.е. примерно столько же, сколько переселилось в Сибирь в тот период. Следует отметить, что быстро росла мелкая промышленность в сельских населенных пунктах и вообще несельскохозяйственная деятельность в сельских поселениях. Численность населения Сибири к началу Первой Мировой войны превышала 8,3 млн чел., а население Канады составляло около 7 млн³. Хотя Канада уступала Сибири в численности населения, качество населения, или как сейчас говорят, человеческий капитал Канады был выше. Речь идет об образовании и медицинском обслуживании. Напомним, что первый в Сибири университет в Томске был открыт только в 1888 г. К этому времени на территории Канады уже работало 7 университетов⁴.

Но начиная с 1930-х годов модели социально-экономического развития и освоения пространств Сибири и Канады резко разошлись. Общим было лишь то, что основная масса мигрантов направлялась в крупные города. В межвоенный период Канада приняла около 1,5 млн чел.⁵, а в Сибирь переселилось более 3 млн. Так, Кузнецкий угольный бассейн принял около 700 тыс. человек, численность населения Новокузнецка, Магнитогорска и Караганды превысила в 1939 г. 150 тыс. человек в каждом, а в Новосибирске – 400 тыс. Конкурентами Сибири выступали Москва, Донбасс, принявшие по 2 млн чел., и Ленинград, в который переселилось около 1 млн чел. Главными механизмами миграции стали организованный набор и принудительные переселения. По-

¹ Н.М. Ядринцев особо выделял полосу между 45 и 60-ми градусами северной широты, как вполне пригодной для акклиматизации выходцами как из Архангельской губернии, так и Бессарабии.

² Для сравнения отметим, что в этот период США принимали примерно по 900 тыс. чел. в год. Введение иммиграционных квот в 1924 г. и другие ограничения, введенные в США, вызвали транзитный поток мигрантов через Канаду на уровне примерно 200 тыс. чел. в год.

³ **Марианьский А.** Современные миграции населения. – М.: Изд-во «Статистика», 1969. – 224 с. (С. 34 и с. 150).

⁴ Полтора века назад во всей Сибири было 11 книжных лавок и 12 библиотек, а типографии для выживания были вынуждены печатать винные этикетки.

⁵ С 1930 г. миграция в Канаду сократилась примерно до 50 тыс. чел. в год.

следние мотивировались политическими причинами, в том числе и по этническому признаку, и стоили жизни огромному числу людей. В начале 1930-х годов Сибирь пережила настоящую демографическую катастрофу: смертность в разы превысила рождаемость. Неурожай, изъятие хлеба, голод и болезни, особенно среди спецпоселенцев, привели к снижению численности населения несмотря на механический приток.

В 1941–1942 гг. произошло массовое перемещение населения из западных районов страны. В общей сложности в эвакуации побывало 25 млн человек. Большая часть из них вернулась, но по данным переписи 1959 г. население Сибири и Дальнего востока возросло в сравнении с 1939 г. на 35%, в то время как в стране в целом менее, чем на 10%¹.

Война и послевоенное противостояние привели к бурному развитию оборонной промышленности в городах Сибири, поскольку считалось, что удаленность региона обезопасит его от бомбардировок. Подобно тому как Сибирь оказалась глубоким тылом СССР, снабжавшим остальную страну продовольствием, вооружением и стратегическим сырьем, Канада выполняла подобную роль в Британской империи и даже шире – в антигитлеровской коалиции².

Развитие тяжелой промышленности, а потом и оборонной потребовало развития образования, прежде всего высшего, и науки в Сибири. Важнейшим событием в этой части стала создание Сибирского отделения Академии наук СССР фактически с правами академии наук союзной республики. Этот проект оказался вполне успешным и существенно сказался не только на уровне развития производительных сил края, росте его человеческого и социального капитала, но и на имидже Сибири.

Открытие, а потом и освоение крупных запасов топливно-энергетических ресурсов (нефти, газа, угля, гидроэнергии) и металлов в 1950–1970 гг. привели к формированию в Сибири территориально-производственных комплексов, т.е. групп технологически связанных между собой производств на ограниченной территории, и соответствующей системы расселения. В результате резко усилилась специализация Сибири в добыче и первичной переработке запасов полезных ископаемых. Экстенсивное развитие страны в целом и Сибири, в частности, привело к резкому замедлению темпов экономического роста и к нехватке ресурсов, поскольку природные ресурсы по экономическим и политическим соображениям шли преимущественно на экспорт, а в потреблении росла доля импорта.

Кризис конца 80-х – начала 90-х годов XX века привел к тому, что значительная доля промышленной продукции, прежде всего ВПК, оказалась невостребованной, а многие другие отрасли и производства оказались неконкурентоспособны по сравнению с импортом³. Предприятия закрывались, и, поскольку в Сибири было множество моногородов, безработица затронула восточные районы страны сильнее, чем Россию в целом. Гиперинфляция привела к обнищанию населения, резко усилила его дифференциацию в части доходов и имущества. В результате некоторые преимущества в доходах (например районные коэффициенты к заработной плате) утратили смысл, что

¹ Население СССР за этот период выросло главным образом за счет переноса западной границы и включения части населения сопредельных стран. Фактически в результате военных потерь население страны в неизменных границах сократилось.

² В 1944 г. доля Канады в общем объеме производства стран антигитлеровской коалиции составляла по никелю 94%, по асбесту – 75, алюминию – 32, цинку – 20, свинцу – 17, меди – 10%. Доля Канады на английском рынке достигала по бекону 72%, по пшенице – 52%. Всемирная история в 10-ти тт. Т.10. – М.: «Мысль», 1965. – 727 с. (С. 441).

³ **Ханин Г.И.** «Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годах». – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – 712 с.

привело к оттоку населения из Сибири и Дальнего Востока. Сибирь, долгое время считавшаяся краем неограниченных возможностей и более высокого уровня доходов быстро растратила свои преимущества и снова уступила привлекательность столицам и зарубежным странам.

Существенное влияние на динамику населения, особенно на Дальнем Востоке оказала ликвидация аэродромов и военных городков – как в смысле потери рабочих мест, так и сжатия внутреннего рынка. В результате Дальний Восток потерял уже к 2010 г. 20% населения, а Сибирь – около 5%. Миграция населения из Сибири в определенной степени была компенсирована притоком мигрантов преимущественно из республик Средней Азии.

Значительный урон обустройству и заселению региона, как и страны в целом, нанесла политика ликвидации неперспективных поселений и укрупнения населенных пунктов, начавшаяся еще в поздний советский период и продолжающаяся по сей день. Под лозунгами повышения комфортности жизни населения и ускорения экономического развития, шла «оптимизация» системы образования, здравоохранения и других систем жизнеобеспечения. Если в предреволюционный период и в советский период системы образования, здравоохранения и дорожная сеть следовали за движением населения, то в последние 40 лет население движется вслед этим благам цивилизации.

Результатом всех этих процессов является то, что в Сибири ежегодно исчезают десятки населенных пунктов, что снижает стимулы к развитию систем расселения и коммуникаций, «опустыниванию» огромных территорий и оттоку населения. Если Канада ежегодно принимает порядка 200 тыс. чел., то Сибирь теряет фактически такое же количество.

5.1.4. Управление

Управление отдаленными и мало заселенными территориями всегда представляло огромную проблему для колониальных держав. Управление необъятным краем, будь то Сибирь или Канада, осуществлявшееся как бы из столицы метрополии, но руками назначаемых губернаторов, что предполагало большие полномочия как в гражданском, так и в военном отношении.

В случае Сибири, по многочисленным свидетельствам, такая система порождала злоупотребления и коррупцию, чрезмерные даже по российским меркам. Регулярное сообщение с метрополией долгое время носили сезонный характер, и контроль за работой назначенных чиновников был крайне затруднен. Особые полномочия, отдаленность и фактическое отсутствие правительственного надзора имели следствием административный произвол. Известно высказывание М.М. Сперанского о том, что «двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточны, чтобы расстроить и привести в беспорядок наиболее успешную губернию»¹.

Правительство использовало множество технологий для улучшения управления от более частой ротации кадров до назначения лично преданных императору и многократно проверенных чиновников, менялись границы губерний и областей путем их разделения, укрупнения, объединения или переименования, менялись титулы высших чиновников, законы, меры поощрения и наказания, проводились внезапные ревизии². Ничего

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Том 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. – Тюмень, 2000. – С. 351.

² «Начиная с Петра I наказания правителей усилились: их ссылали на каторгу, им вырывали ноздри, били кнутом, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы» [Ядринцев Н.М., указ. соч., с. 300].

не помогало. Режим генерал-губернаторской власти в Сибири поэтому вызвал следующий приговор: «В самом деле, что может сделать один сановник, не знающий края, неопытный в сибирских делах, перед кучей злоупотреблений, веками утвержденных, когда за рутину стоит весь подчинённый ему персонал, когда с существованием старых порядков связаны материальные и моральные интересы всего чиновничества?». Н.М. Ядринцев с горечью писал, что «Сибирь не испытала крепостного права, но она испытала нечто худшее – административный произвол». Под последним он понимал административно-командные методы модернизации края вроде принуждения бурят к земледелию, прикрепления крестьян к рудникам и заводам, насаждения сеяния пеньки и запрета на выращивание табака, перепланировку, благоустройство и озеленение городов в приказном порядке. Корень зла он видел в том, что большинство присылаемых чиновников не связывали свою судьбу с жизнью края и были, по сути, временщиками.

Еще во второй половине XIX века эти проблемы были осознаны, и применительно к Сибири была разработана программа реформ, главными пунктами которой были отделение военной власти от гражданской, упразднение губерний и организация земства. В частности, на основании отечественного и зарубежного опыта особые надежды возлагались на организацию местного самоуправления, которое немало способствовало развитию образования и здравоохранения в европейских губерниях и повышению уровня жизни широких масс населения. Другим направлением реформ предполагалась демонополизация, повышение открытости сибирской экономики и развитие конкуренции. Относительно альтернативных взглядов в тот период, связывавших процветание края с развитием общины, то значительная часть областников относились к ним скептически и считали общину не столько ступенью к местному самоуправлению, сколько инструментом контроля со стороны правительственных чиновников, помещиков и «мироедов» за основной массой населения.

Что касается Северной Америки, в том числе и Канады, то стремление к организации местного самоуправления там было изначально, и именно местное самоуправление стало основой и фундаментом федерализма в США и Канаде.

Идеи областников по переустройству Сибири и сегодня важны не столько в силу их оригинальности и радикальности, сколько в силу жесткости аргументации. Прежде всего речь идет о действительной федерализации Сибири и демократизации управления, построению гражданского общества и укреплению власти закона. Еще полтора века назад отечественные ученые, мыслители и публицисты доказывали, что жесткая централизация управления и регламентация политической и экономической жизни из центра неизбежно приведут к конфликтам и, либо, к сепаратизму, либо к стагнации и застою. Верховенство закона, самоуправление и выгоды от связи с метрополией повышают привлекательность регионов для населения и капиталов и формируют их положительный имидж. Они становятся образцом для других стран и даже собственной метрополии.

Многие из идей областников были реализованы. Политика, связанная с именами С.М. Витте и П.А. Столыпина привела к удвоению населения Сибири, повысилась открытость рынков и их демонополизация. Сибирь бурно развивалась и в советский период, хотя преобладали директивные методы управления краем и военно-геополитические мотивы его хозяйственного освоения и заселения. Уровень доходов в Сибири в настоящее время не выше, а ниже, чем во многих других регионах страны.

Огромные успехи были достигнуты в деле научного изучения Сибири, развития ее экономики, социальной сферы, науки и образования в регионе¹. В настоящее время по числу высших учебных заведений и количеству студентов и преподавателей на душу населения Сибирь не уступает другим частям страны. Правда, как и 150 лет назад, лучшие выпускники уезжают из Сибири.

Разработано множество программ развития Сибири и Дальнего Востока. В них поставлены действительно важные и правильные цели по повышению качества жизни населения, улучшению демографической ситуации, развитию человеческого и социального капитала. Но фактическое развитие мегарегиона определяется не столько этими программами, сколько мегапроектами, реализуемыми государственными и полугосударственными корпорациями, что отражает бытующее и поныне представление о Сибири как о бездонном кладезе природных ресурсов со всеми вытекающими из этого последствиями². Такой подход предполагает максимальную централизацию финансовых и иных ресурсов, тем более что для реализации мегапроектов требуется не столь много трудовых ресурсов и можно использовать вахтовый метод организации работ.

5.2. ТРИЕДИНАЯ СИБИРЬ: КЛАДОВАЯ РЕСУРСОВ, ТРАНСПОРТНЫЙ МОСТ И МЕСТО ДЛЯ ЖИЗНИ

5.2.1. Сибирь последнего десятилетия 20 века

Экономическая катастрофа 1991 г.³, связанная с распадом СССР, особенно сильно отразилась на состоянии хозяйственных комплексов северных регионов России и Сибири в целом. Планово создаваемая здесь узкоотраслевая экономика изначально не обладала способностью мобильной адаптации к рынку, введенному методами «шоковой терапии». Рост цен привел к ликвидации большей части сбережений северян, а перестройка финансовых отношений госпредприятий привели их к фактическому банкротству, так же как портов и ледокольного флота. Осложнились и условия завоза продуктов на север.

Резкое снижение уровня жизни и потеря значительного числа рабочих мест привели к массовому оттоку населения из Сибири и особенно из северных районов страны. Свобода в деле экспортных поставок привела к тому, что часть экспортно-ориентированных предприятий сумели перестроиться и сохранили связи с внешним рынком, но это повлекло существенное снижение поставок нужного сырья для внутрироссийского рынка, а экспортная выручка стала зачастую оставаться за рубежом, т.е. происходило субсидирование развития чужой экономики. Сокращение масштабов геологоразведочных работ предопределило будущие трудности с возрождением добывающей промышленности: прирост запасов стал стабильно отставать от требуемого уровня для поддержания стабильной добычи. Резко сократился интерес к созданию в Сибири «вторых» этажей перерабатывающей промышленности (таблица 5.1).

¹ Сибирь в первые десятилетия XXI века / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 788 с.; Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации. – М.: «Анкил», 2009. – 320 с.; Оптимизация территориальных систем / под ред. С.А. Суспицына; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2010. – 632 с.

² Клисторин В.И. О программах вообще, и освоения и развития Сибири – в частности // ЭКО. – 2011. – № 9. – С. 111–119; Клисторин В.И. Россия между программами и проектами // Совет директоров Сибири. – 2017. – № 5. – С. 18–19.

³ Из послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 2005 г.